

П Р И Б А В Л Ю Щ И Я

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ы МЪ В Ъ Д О М О С Т Я МЪ

(Г О Д Ъ С О Р О КЪ Ч Е Т В Е Р Т Ы Й).

Февраля 15. № 4. 1908 года.

Открытое письмо безпоповцу, появившему себѣ жену безъ священническаго благословенія.

Любезный Дмитрій Ивановичъ! Свои ошибки и проступки человекъ старается оправдать, придумывая разныя извиняющія соображенія, чтобы успокоить взволновавшую совѣсть. Взявъ для супружеской жизни дѣвицу и не освятивъ своего союза чрезъ священническое благословеніе и молитвословія, вопреки общехристіанскому правилу и обычаю своихъ предковъ-старообрядцевъ, даже своихъ родителей, ты и теперь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ совѣстной жизни съ твоей женой, конечно, не можешь успокоиться душой. Ты стараешься оправдать свой поступокъ, ты подыскиваешь основанія законности его, ты стремишься узнать что-нибудь новое, что бы извинило твой новомодный бракъ въ твоихъ глазахъ и глазахъ народа, который съ великимъ подозрѣніемъ смотритъ на него и скорбитъ о тебѣ. Разные доводы и доказательства въ пользу законности безсвященнословнаго брака, который принялъ ты, безсилны заглушить голосъ совѣсти, укоряющей за неправильный поступокъ. Въ послѣднее время среди васъ — спасовцевъ, пріемлющихъ безсвященнословные браки, распространилась книга Θ . П — на: „Тайнство брака и форма его совершенія. Догматико-полемическое изслѣдованіе“, авторъ которой старается примирить своихъ одновѣрцевъ съ возникшимъ у нихъ обычаемъ сочетанія браковъ безъ священническихъ молитвъ и оправданіе его чрезъ указаніе разныхъ свидѣтельствъ и соображеній. Чтеніе этой книги видимо повліяло на тебя, Д. И.; въ ней ты нашелъ опору для оправданія своего брака, мыслями ея ты утѣшаешь и успокаиваешь себя. Но надолго ли? Думается, не надолго, если ты человекъ прямой и искренній, не способный закрывать глаза при свѣтѣ истины церковной, если ты внимательно и безпристрастно отнесешься къ доводамъ и доказательствамъ, приводимымъ нѣкимъ Θ . П — нымъ въ своей книгѣ.

Мы намѣрены нѣсколько помочь тебѣ въ св. дѣлѣ исканія истины, указать неправильность главныхъ положеній книги

Ө. П—на, которая откроетъ предъ тобою неосновательность и всѣхъ другихъ мыслей, проводимыхъ въ книгѣ.

Въ первыхъ главахъ на протяженіи нѣсколькихъ страницъ составитель догматико-полемическаго изслѣдованія говоритъ, что сущность таинства брака составляетъ—установленіе его Господомъ и согласіе вступающихъ въ него. Православная Церковь свято вѣритъ въ то, что Господь есть совершитель таинства надъ тѣми, кто по взаимному согласію заключаетъ брачный союзъ, но она признаетъ необходимыми для совершенія брака и внѣшнія средства, какія составляютъ неотъемлемую черту всѣхъ таинствъ; т. е. Православная Церковь творитъ и сіе—открытое признаніе установленія таинства брака Самимъ Господомъ и обязательности взаимнаго согласія брачующихся лицъ, но не оставляетъ и онаго (какъ дѣлаютъ старообрядцы, приѣмлющіе безсвященнословный бракъ), другой существенной стороны таинства—священнаго благословенія и молитвъ, чрезъ которыя низводится на брачующихся благодать Божія, преподаваемая чрезъ таинство.

Авторъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ объ установленіи брака Господомъ изъ Слова Божія и святоотеческихъ твореній, а также объясненія св. Златоуста въ бесѣдѣ къ Еф. 20 и нрав. къ Колос. 12 словъ св. апостола: „тайна сія (брака) велика есть“; гдѣ св. отецъ съ замѣчательною глубиною изображаетъ тайну единенія душъ супруговъ, живо представляетъ дѣйствительно непонятное, тайное явленіе, что человѣкъ свободно оставляетъ любимыхъ родителей, домъ, нажитыя привычки и уходитъ къ чужому человѣку, вступая съ нимъ въ неразрывный до смерти союзъ. Всѣ свидѣтельства, всѣ святоотеческія слова наша Православная Церковь приѣмлетъ и лобызаетъ, соглашаясь съ ихъ истиной. Но она никогда не соглашалась и не соглашается, какъ живо приписываетъ ей составитель догматико-полемическаго изслѣдованія, что сущность брака только въ установленіи его Господомъ, въ согласіи жениха и невѣсты,—безъ священническаго благословенія, которое яко бы не является неотъемлемою частью таинства брака.

Приписывая Прав. Церкви такой неправильный взглядъ, Ө. П—нъ не стѣсняется въ свое доказательство сослаться на грамоту восточныхъ патріарховъ объ учрежденіи Синода, на слова о томъ, что таинство брака установлено Господомъ, и даже на Догматическое Богословіе митр. Макарія, что бракъ установленъ Самимъ Христомъ, намѣренно оставляя безъ вниманія дальнѣйшія

страницы о священническом благословеніи, какъ необходимомъ условіи правильности христіанскаго брака, съ приведеніемъ ясныхъ доказательствъ святоотеческихъ въ защиту сей послѣдней мысли. Въ данномъ случаѣ приѣмъ автора книги „Тайнство брака и форма его совершенія“ уже еретическій, ибо, по словамъ св. Василія Великаго, только „еретики, какъ мыши, грызутъ писанія“, выбирая изъ нихъ пріятное для себя.

Бракъ благословенъ Богомъ при самомъ его установленіи и есть тайнство, заключаетъ **Θ. П**—нъ въ свою очередь для всѣхъ удобопріемлемую объ установленіи брака; слѣд. онъ не зависитъ отъ участія освященныхъ лицъ (15 стр.), прибавляетъ авторъ. Прибавка не имѣетъ для себя основаній, ибо, если дѣлать заключенія по **Θ. П**—ну, то можно отвергнуть и благословеніе освященными лицами хлѣба и вина для пресуществленія ихъ въ Тѣло и Кровь Христову за каждой литургіей, потому что въды причащеніе установлено Самимъ Богомъ на тайной вечери и есть тайнство. Но кто же согласится съ этимъ? Нельзя согласиться и съ вышеприведеннымъ заключеніемъ автора новой книги о бракѣ, когда свидѣтельства св. отцовъ доказываютъ обратное, подтверждая мысль о необходимости священнич. благословенія и молитвъ для совершенія тайнства брака.

Составитель книги не можетъ обойти молчаніемъ этихъ свидѣтельствъ. И онъ сознается, что якобы первое внушеніе пастырей церкви, чтобы вѣрующіе заключали браки съ участіемъ освященныхъ лицъ, мы видимъ лишь въ началѣ II вѣка у Игнатія Богоносца. Важное признаніе! Оно показываетъ, что правило благословенія брачнаго союза освященными лицами есть установленіе апостольское; потому что Игнатій Богоносецъ—мужъ апостольскій, (пережившій ап. Іоанна только на 10 лѣтъ), находившійся въ непосредственномъ общеніи съ ними, слышавшій ихъ слова, то преданіе церковное, которое онъ въ свою очередь передалъ своимъ преемникамъ. Его изреченіе въ посланіи къ Поликарпу: „подобаетъ женившимся и выходящимъ замужъ, чтобы союзъ ихъ совершался по благословенію епископа, да бракъ будетъ о Господѣ, а не по вождельнію“, есть не что иное, какъ разъясненіе словъ апостола Павла о томъ, чтобы и второй бракъ совершался о Господѣ (1 Кор. 7, 39) т. е. былъ дѣломъ Церкви и освящался ею. Чтобы ослабить свидѣтельство св. Игнатія, **Θ. П**—нъ хочетъ словами послѣдующихъ писателей оттѣннить мысль, что мнѣніе мужа апостольскаго не имѣло широкаго расст

пространенія; онъ приводитъ слова св. Іустина въ посланіи къ Діогнету: „хрістіане вступаютъ въ бракъ, какъ и всѣ, рождаютъ дѣтей“; и — хріст. философа Аѣинагора изъ апологіи къ Марку Аврелію: „каждый изъ насъ признаетъ свою супругою женщину, которую онъ взялъ по законамъ вами поставленнымъ“. Составитель книги обрадовался, что помянутые писатели не упоминаютъ о церковномъ вѣчаніи; да и странно было бы ожидать рѣчи объ этомъ. Св. Іустинъ и Аѣинагоръ защищали въ своихъ сочиненіяхъ хрістіанъ отъ нападокъ язычниковъ, которые измышляли на хрістіанъ всякія гнусности, въ частности на ихъ семейные союзы.

Въ своихъ апологіяхъ имъ не для чего было говорить и раскрывать таинственное ученіе Церкви, непонятное для язычниковъ, а естественно было доказывать, что жизнь хрістіанъ не противорѣчитъ законамъ государственнымъ и не представляетъ ничего вреднаго для государства.

Писатель III-го вѣка Тертуліанъ имѣлъ случай высказаться, какъ и Игнатій Богоносецъ, о необходимости участія священниковъ въ совершеніи брака: „откуда взять силу, чтобы описать счастье того брака, который заключаетъ Церковь, скрѣпляетъ приношеніе, запечатлѣваетъ благословеніемъ, ангелы свидѣтельствуютъ, Отецъ утверждаетъ“. (Къ жен. к. 1, гл. 9). Видите, супружескій союзъ даже до торжества церкви хрістіанской при Константинѣ Великомъ не только запечатлѣвался священническимъ благословеніемъ, но скрѣплялся приношеніемъ Тѣла и Крови Хрістовой; поэтому въ древней церкви таинство брака совершалось непосредственно послѣ литургіи.

Если обратиться ко временамъ разцвѣта церковной жизни при святыхъ отцахъ, которые и на вселенскихъ соборахъ, и въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ раскрывали ясно и опредѣленно церковные догматы и ученія, то въ правилахъ и твореніяхъ ихъ найдете изреченія, доказывающія участіе освященныхъ лицъ при совершеніи таинства брака и важное значеніе этого участія. Св. Іоаннъ Златоустъ, вселенскій учитель, говоритъ: „пусть (вступающіе въ бракъ) имѣютъ среди себя Хріста. Но какъ, скажутъ, можетъ быть это? чрезъ священниковъ. Иже васъ пріемлетъ, сказалъ Господь, Мене пріемлетъ“. (Т. III, стр. 206).

Григорій Богословъ говоритъ: „если ты еще не сопрягся плотию, не страшись совершенія; ты чистъ и по вступленіи въ бракъ. Я на себя беру отвѣтственность; я сочетатель, я невѣсто-

водитель" (т. III, изд. 1889 г., 238 стр.). Св. Амвросій Ме-
діолянскій пишетъ: „если самый бракъ долженъ быть освящаемъ
покровомъ и благословеніемъ священническимъ, то какъ можетъ
быть бракъ тамъ, гдѣ нѣтъ согласія вѣрнѣ“. (Письмо къ Ви-
гил. 19-е).

Три свѣтильника православной Церкви своими словами ясно
подтверждаютъ ученіе греко-россійской церкви, хранящей не-
уклонно церковное преданіе, о необходимости совершенія таин-
ства брака освященными лицами. Составитель книги „таинство
брака“ не внемлетъ имъ. Оправдывая безсвященнословный бракъ,
онъ въ III и IV главахъ книги ссылается на времена гоненій
на Церковь со стороны еретиковъ, когда при отсутствіи священ-
никовъ вѣрующіе находились въ самыхъ тягостныхъ обстоятель-
ствахъ. Да, много бѣдъ принесли въ иныхъ мѣстахъ христіанамъ
стѣсненія еретиковъ, но мы не ведаемъ, чтобы во время чрезвы-
чайной нужды совершались мирянами браки и считались за цер-
ковное таинство. **Ө. П**—нъ съ особенною любовью видимо оста-
навливается на жизнеописаніи муч. Галактіона и Епистиміи
(5 ноября), въ которомъ хочетъ отыскать оправданіе безсвященно-
словнаго брака. Благоразумный читатель не найдетъ въ житіи
мучениковъ желаемого П—нымъ. Родители мученика Галактіона
были христіане, они воспитали сына своего въ благочестіи и по-
ученіи книжномъ. Когда Галактіону было 24 года, отецъ обру-
чилъ ему невѣсту Епистимію. Бракъ отложили на иное время.
Епистимія была язычница, обручникъ просвѣтилъ ее свѣтомъ
истины Христовой и крестилъ ее, по отсутствію священниковъ.
Оба дали обѣщаніе другъ другу пребывать въ дѣвствѣ и слу-
жить Христу. А если бы не явилось сіе доброе намѣреніе у Га-
лактіона и Епистиміи, разсуждаетъ **Ө. П**—нъ, въ какой бы
формѣ сталъ совершаться бракъ при отсутствіи священниковъ?
Ужели такъ, какъ хочется безпоповцу, приемлющему безсвященно-
словный бракъ? Думать такъ нѣтъ никакихъ основаній. Муч.
Галактіонъ крестить свою невѣсту Епистимію, чтобы скорѣе
вести ее въ спасительную дверь церкви, совершаетъ нужно-по-
требную тайну для спасенія, совершеніе же брака, если бы угод-
но было Богу сочетать обручниковъ въ супружескій союзъ, могло
быть отложено до болѣе удобнаго времени, когда клирики и пре-
свитеры вышли бы изъ своихъ уѣзъ, куда ихъ загнали го-
ненія, или при существованіи гоненій когда бы пришелъ къ нимъ
невѣдомый язычникамъ, проживающій въ міру, пресвитеръ, по-

добный Онуфрiю, крестившему родителей Галактiона. Нѣтъ, на-
право сочинитель новой книги въ защиту безсвященнословнаго
брака остававляется на житiи муч. Галактiона.

Чтобы оправдать безсвященнословный бракъ, составитель
книги: „Тайнство брака“ въ 5 главѣ указываетъ три основанiя
въ пользу того, что прежде бракъ не освящался iереемъ: 1, за-
прещенiе священникамъ участвовать на пиршествѣ второбрачныхъ,
2, признанiе браковъ рабовъ, происходящихъ безъ священни-
ческихъ молитвъ; законными, 3, отсутствiе упоминанiй о совер-
шенiи надъ супругами обращающимися изъ язычества въ христi-
анство брачнаго священнодѣйствiя.

1, Гдѣ Ѳ. П — нѣ нашелъ ясное указанiе въ правилахъ цер-
ковныхъ, что второй бракъ обходился совсѣмъ безъ священни-
ческой молитвы? Если апостолъ заповѣдуетъ вдовѣ, не могущей
жить безбрачно, вступать въ бракъ о Господѣ, т. е. съ церков-
наго благословенiя, то возможно ли допустить, чтобы, при суще-
ствованiи такой заповѣди, второбрачные сходились на супруже-
скую жизнь безъ священническихъ молитвъ? Ѳ. П — нѣ приво-
дитъ 7 правило Неокес. собора. Но о чемъ тамъ говорится? Свя-
щеннику запрещается пиршествовать на бракѣ двоеженца, чтобы
отмѣтить, что его бракъ совершенъ по спусхожденiю къ немощи
человѣческой; запрещенiя же молитвъ о немъ нѣтъ. Ѳ. П — нѣ

ссылается на отношенiе св. Ѳеодора Студита къ новобрачнымъ.
Да, св. Ѳеодоръ, жившiй во время иконоборческихъ гоненiй, вы-
соко поставляетъ первый бракъ, который, по его словамъ, вѣн-
чается священниками, какъ нескверный, какъ чистый, какъ сво-
бодный отъ блудной страсти, и потому увѣнчиваемый, какъ по-
бѣдитель надъ грѣхомъ; отъ этого при немъ бываетъ и приобще-
нiе святыхъ, и присутствiе вѣнчавшаго и всякаго другого свя-
щенника на такомъ бракѣ. (Т. 1, стр. 299). Двоеженцы недо-
стойны наложенiя на главы ихъ вѣнцовъ за обнаруженную сла-
бость ко грѣху и участiя на пиршествѣ священниковъ, но они
нуждаются въ iерейскихъ молитвахъ.

2, Ѳ. П — нѣ опирается на рабы браки, происходившiе въ
греческихъ странахъ до Комвена; но тѣ браки были граждански
законными, но нигдѣ не называются они тайнствами.

Св. Иоаннъ Златоустъ въ томъ мѣстѣ, на которое указываетъ
Ѳ. П — нѣ, называетъ бракъ рабовъ просто бракомъ, но не та-
инствомъ брака въ смыслѣ церковномъ.

3, Ѳ. П — нѣ указываетъ на случаи обращенiй въ право-
славную церковь иновѣрцевъ-супруговъ, при чемъ въ сообщенiяхъ

о сихъ случаяхъ не дѣлается упоминанія, что надъ супругами совершенно было браковѣчаніе священниками. Если нѣтъ упоминанія, то еще не значитъ, что не происходило освященіе брачнаго союза новообращенныхъ черезъ іерейское благословеніе. Но пусть такъ. Блаж. Тертуліанъ, мысль котораго приводится авторомъ книги, пишетъ, что освященіе брака такихъ лицъ совпало съ актомъ крещенія. Кто совершалъ его? Пастыри церкви, а не міряне, они и благословляли новообращенныхъ на супружество для рожденія и воспитанія дѣтей въ духъ Христовой вѣры. Дѣти становились „святыми“ чрезъ совершеніе надъ ними крещенія.

Стараясь отыскать что-либо полезное для себя въ исторіи Церкви временъ послѣ соборовъ, защитникъ безсвященнословнаго брака ухватился за посланіе папы Николая (2-й полов. IX в.) къ новопросвѣщеннымъ болгарамъ, гдѣ онъ говоритъ, что въ обычаѣ практикуются при заключеніи браковъ разныя гражданскія и религіозныя формальности, при чемъ всѣ эти формальности не имѣютъ существеннаго значенія. Но развѣ благословеніе и молитвы священническія при совершеніи брака—формальности? Гдѣ такъ написано и указано? Если при бракѣ благословеніе священническое есть формальность, то что же будетъ не формальностью?

Изъ временъ съ IX вѣка авторъ книги „Тайство брака“ уже не думаетъ дѣлать попытки привести какія-нибудь доказательства въ пользу безсвященнословнаго брака. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что съ этого времени законодательство греческой имперіи не допускало возможности дѣйствительности законнаго брака безъ священническихъ молитвъ.

Иными словами, съ IX, а особенно съ XI вѣка, по законамъ византійской имперіи, стали признаваться законными только тѣ браки, которые заключались съ благословенія православнаго священника, тогда какъ ранѣе съ точки зрѣнія гражданскаго права законными считались и браки рабовъ, происходившія безъ іерейскаго вѣчанія. Значитъ, со временъ Алексія Комнина взглядъ Церкви и государства на законность брака совпалъ совершенно. Приведемъ изреченіе о бракѣ изъ новой заповѣди царя Алексія Комнина: „елико аще безъ священныхъ молитвъ, своя рабы на сочетаніе брака совокуляюще, не боголюбивъ бракъ составляютъ симъ, но блудничное смѣшеніе утверждаютъ. Ихже бо не совокуци Богъ священными молитвами призываемъ, тѣи вси сходятся на грѣхъ“. (Корм. гл. 43, л. 336).

Защитникамъ законности брака безъ священническихъ молитвъ ужасно не нравится новая заповѣдь царя Алексія, ибо, какъ авторъ разсматриваемой книги говоритъ, въ сѣбѣ ея появленіемъ „отказывается уже въ признаніи тѣхъ браковъ, которые стали бы заключаться безъ церковнаго вѣнчанія“. Сии защитники стараются всячески умалить значеніе заповѣди, утверждая, что она не есть выраженіе ученія Христовой церкви. Но: изъ Кормчей книги, изъ сборника правилъ и законовъ, принятыхъ церковью православною, руководящеюся ими въ своей жизни и дѣятельности, непріятныхъ главъ относительно брака безпоповцамъ спасовцамъ вырвать нельзя. Кормчая книга, печатанная и принятая церковью при любимомъ глаголемыми старообрядцами патріархъ Іосифъ, называетъ браки спасовцевъ блудничнымъ смѣшеніемъ, а брацующихся безъ іерейскихъ молитвъ сходящимися на грѣхъ. Въ 51 главѣ Кормчей, принятой Церковью и напечатанной съ благословенія патріарха Іосифа въ руководство вѣрующимъ, говорится про супружества, которыя заключаются безъ благословенія священника приходскаго, что они „по соборному установленію и св. отецъ ученію, не законна, паче же беззаконна и ничтоже суть“. (522 л.).

Въ житіи св. Саввы, архіеп. Сербскаго, о которомъ говоритъ въ 13-й главѣ своей книги О. П.—нъ, есть такое мѣсто: „начальники и прочіе люди не должны жениться, не получивъ благословенія отъ своего архіерея, или отъ духовнаго отца, или отъ поставленнаго архіереемъ. Ни одна свадьба не должна совершаться безъ вѣнчанія. Если же совершится безъ благословенія и дозволенія церкви, таковыхъ разлучать и сажать въ темницу“. Такъ, святитель смотрѣлъ на супружества, неосвященные молитвами іерейскими.

Если откроемъ старинныя книги, въ нихъ увидимъ свидѣтельства истинности брака, заключеннаго съ благословенія Церкви, освященнаго іерейскими молитвами. Идти противъ этихъ свидѣтельствъ значитъ идти противъ очевидности; дѣлать это авторъ книги: „Тайнство брака“ не рѣшается; онъ только старается подорвать силу сихъ свидѣтельствъ древнихъ книгъ. Старообрядцамъ нашимъ, почитающимъ старинныя книги, покажутся всеѣмъ странными и достойными осужденія разсужденія безпоповца, „легоныко“ отзывающагося о любимыхъ книгахъ.

У учителя церковнаго Симеона Солунскаго находится такое ясное указаніе о бракѣ: „Совершенство брака — собственно дѣло ар-

хіерей... Предоставляется однакожь и іереямъ, съ разрѣшенія архіерейскаго, и при томъ на каждый случай брака: такъ какъ совершать бракъ — дѣло собственно епископа, и безъ согласія его бракъ не можетъ состояться“. (Т. II, стр. 358).

Въ Маломъ Катихизисѣ говорится, что бракъ бываетъ „общимъ изволеніемъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достояніе безъ всякія пакости, и благословеніемъ священническимъ“ (лист. 37 об.). Въ Большомъ Катихизисѣ утверждается, что св. тайны, въ томъ числѣ и бракъ, „никто же можетъ строить, кромѣ святителей хиротописанныхъ“.

Какія еще свидѣтельства могутъ быть ясны для признанія, какъ неправильны, безблагодатны браки спасовцевъ, сходящихся на житье безъ священническихъ молитвъ? Чтобы успокоить совѣсть одновѣрцевъ по поводу столь выдающихся мѣстъ въ чтимыхъ книгахъ, отвергающихъ заведенный вождями спасовщины обычай, Ѡ. П. нѣ говоритъ въ книгѣ, что писатели помннутыхъ книгъ выводили непризнание безсвященнословаго брака изъ ученія о семи тайнахъ церковныхъ, которое являлось яко бы въ 12 вѣкѣ. Пусть такъ, что въ это позднее время явилось вызванное извѣстными обстоятельствами систематическое ученіе о тайнствахъ церковныхъ; но развѣ всѣ они — 7 тайнствъ не существовали до этого времени, не существовали ихъ начала? Развѣ они не Хрістомъ Спасителемъ установлены и не св. апостолами переданы вѣрнымъ? Въ священныхъ книгахъ вы найдете указаніе на божественное установленіе всѣхъ 7 тайнствъ; въ памятникахъ древности найдете правила совершенія каждаго порознь тайнства. Отдѣльные писатели, на которыхъ ссылается авторъ книги: „Тайнство брака“, говорятъ о тѣхъ или другихъ тайнствахъ, писать о которыхъ побуждало ихъ извѣстное теченіе мыслей; напр., Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ лишь о крещеніи и св. причащеніи, Діонисій Ареопagitъ въ ученіи о св. тайнствахъ не упоминаетъ о тайнствѣ покаянія. Неужели не существовало во дни св. Діонисія сего великаго тайнства, нужно потребнаго во спасеніе, установленнаго послѣ Воскресенія изъ мертвыхъ Самимъ Господомъ, изрекшимъ апостоламъ: „примите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, имже держите, держатся“. (Іоан. 20, 22)?

Безъ сомнѣнія, оно существовало всегда, какъ во все время предстателями Церкви хранились неизмѣнно богодухновенныя писанія апостольскія, уже потомъ внесенныя въ извѣстный

канонъ свѣщ. книгъ. По словамъ $\Theta.$ П—на, якобы благодаря только числу 7, таинство брака составителемъ Малаго Катикизиса и др. указано совершать іерею. Нѣтъ, у Симеона Солунскаго, или въ Маломъ Катикизисѣ, отдѣльно говорится о каждомъ таинствѣ, въ томъ числѣ и о бракѣ; причеиъ ясно высказывается, что онъ долженъ освящаться благословеніемъ священническимъ. — Что благодаря только числу 7, бракъ предписывается въ помянутыхъ книгахъ совершать іерею, это неправда. О таинствѣ св. крещенія говорится же, что оно въ случаѣ нужды можетъ быть совершено міряниномъ, хотя сіе таинство включено первымъ изъ 7; о бракѣ же мы нигдѣ не видимъ, что въ случаѣ нужды онъ можетъ совершаться безъ священническихъ молитвъ міряниномъ, или иначе какъ, тѣмъ болѣе не видимъ указанія, что обычай сей имѣетъ за собою основаніе въ узаконеніяхъ апостольскихъ и церковныхъ.

Ученіе о безсвященнословномъ бракѣ — ученіе не апостольское и не отеческое, а измышленное тѣми, кто, лишившись священства, застигнуть нуждой. Ну и пѣль бы $\Theta.$ П—нъ объ этой нужды, а то силится доказать, что безсвященнословный бракъ — обычай древне-церковный. Ну и пѣль бы себѣ $\Theta.$ П—нъ чрезъ всю книгу о своей нуждѣ, какъ дѣлаетъ онъ въ заключеніи. Въ концѣ книги онъ останавливается на тягостномъ положеніи старообрядцевъ, беспоповцевъ, вслѣдствіе неимѣнія священства принужденныхъ довольствоваться тѣмъ, что у нихъ есть, и допускать то, что у нихъ дѣлается. Составитель ссылается на слова св. Θ еодора Студита: „по необходимости не все бываетъ непременно по правиламъ, установленнымъ для времени мира“. Нуждою не оправдать незаконнаго совершенія браковъ безъ священническихъ молитвъ. Въ церкви Христовой есть законы и установленія, данныя Самимъ Богомъ и существенно необходимые для ея жизни, и есть законы, служащіе къ благоустроенію ея. Законы относительно св. таинствъ относятся конечно къ первымъ и они неизмѣнны. Св. Θ еодоръ Студитъ говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ о законахъ благоустроенія церковнаго, относительно ихъ допускаетъ снисхожденіе. Во время иконоборческой ереси въ Царь-градѣ приходили пресвитеры, рукоположенные въ Римѣ, Неаполѣ безъ опустительныхъ грамотъ. Спрошенный о томъ, можно ли допускать ихъ въ общеніе, св. Θ еодоръ отвѣчаетъ утвердительно, т. е. считаетъ возможнымъ сдѣлать снисхожденіе, которое не нарушало существенныхъ установленій Церкви, причеиъ говорить, что это не законодательство, а лишь его совѣтъ.

Оправдывая пуждой то, что незаконно дѣлается въ спасо-
сѣбомъ обществѣ, *Θ. П*—нѣ въ своей книгѣ приводитъ еще слова
св. Златоуста, писанныя имъ своей паствѣ изъ Кукузъ: „Если
епископъ не находится среди своего стада, чтобы руководствовать
имъ, пусть овцы сами возьмутъ на себя обязанность пастыря“.
Кто это говоритъ? Пастырь, который, и не находясь среди сво-
его стада, однако же не переставалъ пасты и наставлять его на
путь спасенія. Онъ, по свидѣтельству Баронія, и изъ ссылки „мно-
гія епистолиі великимъ витійствомъ писа къ епископамъ, дабы
имѣли попеченіе о Церкви Вожіей, сущей въ волненіи“. Значить,
паства, къ которой писалъ св. Златоустъ, не оставалась безъ руко-
водителя епископа, безъ священниковъ, она не восхищала не
дарованнаго, не допускала браковъ безъ священническаго вѣнча-
нія, какъ дѣлають отдѣлившіеся отъ матери св. Церкви безпо-
повцы, достойные великаго сожалѣнія.

Я привелъ краткія указанія на основныя положенія книги
Θ. П—на, которыя откроють тебѣ неправильность и остальныхъ
мыслей сочиненія.

Д. И.! Я не сомнѣваюсь, что ты—человѣкъ вѣрующій и
покренно желающій спасенія своей души, которое дороже родства
и дружбы и всѣхъ сокровищъ міра. Оставивъ въ сторонѣ книги
въ родѣ: „Тайнство брака и форма его совершенія“, „Вѣчная
правда“ и др., и призвавъ на помощь Господа, да откроетъ Онъ
правду Свою, съ благоговѣніемъ читай книги Св. Писанія, тво-
реній св. отцовъ и древнія книги; ты найдешь тогда, что исти-
на хранится въ Греко-россійской церкви, въ которой да освятится
твой брачный союзъ для благословеннаго рожденія и воспитанія
дѣтей и да получишь миръ душъ своей!

Миссіонеръ *Николай Слѣдниковъ*.

Бытіе Бога, какъ основа хрістіанской морали.

(Продолженіе).

Догматы хрістіанской любви представляютъ собою глубочай-
шія тайны. Но тайна—не новость для человѣческаго разума.
Тайна для человѣка—онъ самъ. Умъ человѣческій слабъ для по-
знанія всѣхъ тайнъ, но для сердца человѣка не совсѣмъ закры-
то знаніе о Богѣ, ибо „чистіи сердцемъ Бога узрять“. (Матѣ V. 8).
Въ дѣлѣ познанія Божества, какъ и въ дѣлѣ совершенствованія
научнаго, требуется послѣдовательность. Всякая попытка чело-
вѣка рациональнымъ путемъ разъяснить хрістіанскія догматы остается

безплодной. Они метафизичны, но въ то же время удобностижи-
мы со стороны этической. Этический смысл ихъ открытъ намъ
въ христіанскомъ откровеніи. На вопросъ законника: „какая заповѣдь
большая есть въ законѣ“, Христосъ отвѣчаетъ: „возлюбиши
Бога твоего всею сердцею твоимъ, всею помышленіемъ твоимъ“. А разъ
Богъ есть любовь, то человѣкъ нравственно обязанъ по-
ставить началомъ своей жизни любовь, ибо „пребывающій въ
любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ“. (1 Иоанн. IV. 16). По-
этому слѣдуетъ любить не только „словомъ, но дѣломъ и исти-
ною“. (1 Иоанн. III. 17, 18). Богъ одинъ, но троицень въ лицахъ,
учитъ св. Церковь. Догматъ этотъ непостижимъ для человѣческаго
разума. Но все таки человѣческой умъ еще до сихъ поръ ста-
рается уяснить его. Представимъ себѣ, говорить онъ, трехъ че-
ловѣкъ, которые имѣютъ одно имущество, причемъ такъ, что каж-
дый изъ нихъ имѣетъ право распоряжаться какъ угодно всею
имуществомъ. Мы хорошо знаемъ, что при такомъ условіи между
этими лицами могутъ возникать раздоры, несогласія; но допустимъ,
что воля каждаго изъ этихъ лицъ не противоборствуетъ волѣ
каждаго изъ трехъ, но находится въ полномъ согласіи; тогда
каждое изъ этихъ лицъ будетъ сознавать себя хозяиномъ того
имущества, у котораго имѣются еще два хозяина, и эта трой-
ственность во владѣніи однимъ и тѣмъ же не будетъ производить
никакого антагонизма*). Не даромъ Христосъ сказалъ; „Отче!
все Мое Твое и Твое Мое“. Ученіе о Святой Троицѣ имѣетъ для
христіанина громадное значеніе: отношенія между лицами Святой
Троицы должны показывать, насколько полно и тѣсно должно
быть единеніе членовъ учрежденнаго Сыномъ Божиимъ общества
вѣрующихъ, — Церкви. Высшимъ идеаломъ христіанскаго общества
должно служить единеніе въ мысли и чувствѣ, причемъ такое еди-
неніе, при которомъ страданія одного изъ членовъ живо чувство-
вались другимъ. Однимъ словомъ, какъ говоритъ Василій Вели-
кій, слѣдуетъ считать идеаломъ такое „общеніе, изъ котораго
исключена собственность имущества, изгнана противоположность
расположеній, въ которомъ съ корнемъ истреблены всякое смяте-
ніе, споры и ссоры, все же общее: и души, и расположенія, и
тѣлесныя силы, и что нужно къ питанію тѣла и на служеніе ему; —
въ которомъ одинъ общій Богъ, одна общая купля благочестія,
общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы, — въ

*) Глаголетъ. „пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ“.

которомъ многіе составляютъ одного, но каждый не одинъ, а въ ряду многихъ^а. *)

Мало того, цѣлью искупительной дѣятельности Іисуса Хріста служило именно возстановленіе первоначальнаго мира и согласія разумныхъ существъ, примиреніе людей съ Богомъ и между собою. Спаситель уничтожилъ вражду между іудеями и язычниками, составивши изъ всѣхъ народовъ какъ бы одного человѣка, и тѣмъ самымъ далъ заповѣдь любить враговъ нашихъ. Въ познаніи истиннаго Бога, Которымъ мы живемъ, движемся и есмь (Дѣян. XVII. 28), заключается весь прогрессъ нравственныхъ отношеній человѣка; и истинное братское отношеніе между людьми возможно только при этой любви къ Богу. Только во имя Хріста и Его ученія можетъ человѣкъ относиться къ ближнему своему по-божески; только въ этомъ міровомъ ученіи онъ можетъ найти себѣ руководящіе принципы въ жизни.

Какъ велико значеніе хрістіанства въ нравственномъ развитіи человѣчества, достаточно показываетъ намъ исторія, да и сами автономисты о томъ свидѣлствуютъ.

Такъ Кавелинъ въ своихъ „Задачахъ этики“ говоритъ, что человѣка переродило хрістіанское ученіе и что этика его стоитъ неизмѣримо выше всего, что о ней когда-либо было говорено, или писано. Въ то время, какъ человѣческія ученія смѣняются одно за другимъ, этика хрістіанская осталась непоколебимой, ибо основы ея положены Богочеловѣкомъ. „Какъ неприступная скала, стоитъ хрістіанская этика непоколебимо высоко посреди всѣхъ волненій и бурь историческаго развитія, и къ ней люди въ концѣ концовъ возвращаются изъ своихъ скитаній, какъ къ единственному средству утоленія скорби и мукъ истерзанной души **).

Въ заключеніе этихъ соображеній о догматическихъ основахъ любви приведемъ чудныя слова Спасителя, служація назиданіемъ для вѣрующихъ въ ихъ духовномъ подвигѣ, сказанныя Господомъ ученикамъ передъ Его страданіями:

„Азъ осмь лоза истинная, и Отецъ Мой дѣлатель есть. Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ, и всякую приносящую плодъ очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода. Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ. Преподобные во Мнѣ и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить

*) Твор. т. 5 стр. 70, 71.

**) Кавелинъ, тамъ-же, стр. 52.

плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви: кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего; кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ сгораютъ. Если пребудете во Мнѣ и слова Мои въ васъ пребудутъ, то чего ни пожелаете, просите и будетъ вамъ; тѣмъ прославится Отецъ Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками (І. XV. 1—8). Исполняя заповѣди Божіи, хрістіанинъ, значить, дѣлается какъ-бы роднымъ Ему, какъ бы соединяется съ нимъ духовно.

Окончательное торжество хрістіанской любви будетъ, по ученію Евангелія, въ загробной жизни, когда наступитъ единеніе святыхъ въ Богѣ, что особенно хорошо выражено въ словахъ Спасителя: „Отче! которыхъ Ты далъ мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ, потому что возлюбилъ Меня прежде сложенія міра. (І. 17, 24).

Левъ Толстой отвергаетъ безсмертіе личнаго духа, указывая на развитіе въ сознаніи людей тщеславныхъ и эгоистическихъ надеждъ вѣрующихъ въ загробную жизнь. Но такъ ли это?

Вѣдь своимъ указаніемъ на воздаяніе въ загробной жизни хрістіанство напоминаетъ вѣрующимъ, что въ будущей жизни предстоитъ окончательная побѣда добра надъ зломъ. Въ Новомъ Заветѣ мы видимъ высокій примѣръ апостола Павла, который говоритъ о себѣ, что онъ желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ своихъ, родныхъ ему по плоти, т. е. Израильтянъ. (Рим. 9. 3). Этотъ примѣръ ясно показываетъ, что вовсе не загробная жизнь руководитъ хрістіаниномъ, а любовь; ради ея апостолъ готовъ былъ пожертвовать вѣчнымъ блаженствомъ, лишь бы сдѣлать благо ближнему.

Вопросъ дѣланія добра ради достиженія вѣчнаго блаженства горячо обсуждался въ первые вѣка хрістіанства.

Такъ Климентъ Александрійскій говоритъ: „я думаю, что нужно приходять къ голосу Спасителя, водясь не страхомъ наказанія и не ожиданіемъ какого-либо даянія, а изъ-за превосходства добра самаго по себѣ. Такіе станутъ въ святилищѣ одесную; воображающіе же черезъ раздачу тлѣнныхъ имуществъ пріобрѣсть нетлѣнныя въ притчѣ о двухъ братьяхъ названы наемниками“ *).

*) Строматы, к. IV, гл. 6, стр. 408.

„Должно все дѣлать ради Христа“, говоритъ І. Златоустъ *)

Вотъ тѣ основы любви, которыя проповѣдуетъ намъ христіанская религія. Мы видимъ, что цѣль жизни христіанина—это нравственное усовершенствованіе, стремленіе докъ нравственному единству, мотивомъ чему служить любовь къ Богу. Теперь посмотримъ съ высшей моральной точки зрѣнія на всѣ теоріи, которыя смертенностью своихъ сужденій хотятъ замѣнить живыя идеи религіи. Вотъ передъ нами эволюціонизмъ. По этой теоріи, критеріемъ нравственности служитъ счастье, — которое человекъ получаетъ въ жизни. Для эволюціониста то нравственно, что служитъ его пользѣ **), все же остальное отбрасывается какъ негодное. Между людьми, по этому ученію, нѣтъ другаго различія, кромѣ различія естественнаго развитія ихъ организмовъ. Значить, нѣтъ и нравственной личности, стремящейся къ нравственному совершенствованію, свободной и отвѣтственной въ своихъ дѣйствіяхъ. Вслѣдствіе этого, чѣмъ вы заставите человека переимѣнить взгляды на счастье, которое онъ видитъ въ созерцаніи чужихъ страданій? Вотъ почему въ эволюціонизмѣ не можетъ быть никакого нравственнаго идеала, къ которому бы могъ стремиться мятущійся духъ человѣческій, — жаждущая борьбы со своими страстями и пороками душа, желающая черезъ эту борьбу достигнуть своего высшаго счастья. Теорія Спенсера не даетъ никакихъ основаній для морали, а указываетъ лишь на правила благоразумія, „которыя никогда не могутъ возвыситься до долга“ ***).

Почему же, спрашивается, мы не видимъ нравственнаго идеала въ эволюціонизмѣ? Да потому, что сама нравственность разсматривается здѣсь не какъ нѣчто священное, а какъ нѣкій продуктъ, сложившійся подъ вліяніемъ принциповъ трансформизма, — т. е. борьбы за существованіе, естественнаго подбора и проч.

Они (эволюціонисты) утверждаютъ, что нравственность выгодна для индивидуума, она служитъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Но, къ сожалѣнію, надо признаться, что какъ разъ нравственность то и есть то плохое орудіе, какое только можетъ выбрать организмъ. Замѣчательно, что во всѣхъ войнахъ, ссорахъ, вообще во всѣхъ видахъ борьбы, — мораль то и не уважается, она

*) Т. 9 стр. 513.

**) Г. Спенсеръ, Основаніе науки и нравственности.

***) Селезневъ М. „Основы морали эволюціонизма“. Харьковъ, 1894.

(Крит. взглядъ о Спенсерѣ).

отбрасывается как негодная. Мораль въ дѣлѣ борьбы является безразсудствомъ и слабостью, и люди, вѣрно слѣдующіе ей, должны были погибнуть, и уступить мѣсто сильнымъ, обладающимъ какъ разъ immoralными качествами. Вообще надо сказать, что сама нравственность не выгодна въ борьбѣ за существованіе, какъ не выгодна она и естественному подбору.

Вѣдь нравственность въ существѣ своемъ способствуетъ нравственному развитію человѣчества, которое состоитъ въ постепенной побѣдѣ надъ естественнымъ закономъ борьбы за существованіе. Слѣдовательно выходитъ, что если развитіе экономическаго благосостоянія не будетъ сопровождаться развитіемъ нравственности, то люди не перестанутъ губить другъ друга. Каждому желательно имѣть какъ можно больше, и онъ будетъ отнимать у слабѣйшаго.

Разъ такое громадное значеніе имѣетъ нравственность въ дѣлѣ устройства благосостоянія общественнаго, то необходимо рѣшить вопросъ, что же она такое? Ужъ не инстинктъ ли въ самомъ дѣлѣ? Подъ инстинктомъ обыкновенно разумѣется стремленіе къ совершенію извѣстнаго рода дѣйствій, конечная цѣль которыхъ или не сознается, или не имѣется въ виду. Такъ напримѣръ, бобы строятъ свои архитектурныя постройки при всякой обстановкѣ. Вотъ такими бессознательными, хотя и цѣлесообразными являются и нравственныя стремленія человѣка; они должны быть заложены глубоко въ нервной системѣ. Но съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя.

Жизнь животнаго узкая по своему содержанию; впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ, немногочисленны; конечно отсюда яснымъ становится, почему отъ многочисленнаго повторенія извѣстныхъ дѣйствій въ его тѣлѣ образовался извѣстный механизмъ, дѣйствующій какъ бы автоматически. Но жизнь человѣка совершенно другая. Человѣкъ одаренъ разумомъ; вотъ благодаря только ему, впечатлѣнія возрастаютъ до безконечности. Если бы человѣкомъ руководили лишь одни консервативныя инстинкты, развѣ могло человѣчество переживать великія нравственныя революціи? Нѣтъ, подъ вліяніемъ частаго однообразнаго упражненія органовъ, создались бы въ мозгу его такіе центры, которые бы стали завѣдывать опредѣленными отправленіями нравственнаго порядка. Однако много случаевъ можно привести, когда цѣлыя племена въ сравнительно короткое время восходили на высокую ступень нравственнаго развитія *) и цивилизаціи. Все

*) Рассказы іезуитскихъ миссіонеровъ. Э. Навиль, „Огедъ небесный“.

это говоритъ за то, что нравственность не зависитъ отъ органическаго устройства нервной системы. Изъ опыта же мы убѣждаемся, что въ жертву нравственнымъ потребностямъ приносятся самыя сильныя инстинкты, какъ-то: лишеніе пищи, одежды, смерти и т. д. Значитъ, нравственность есть нѣчто большее, чѣмъ инстинктъ. Замѣчательно, что нравственныя правила сложились вовсе не подъ вліяніемъ среды, которая никакъ не могла дать ихъ. Напримѣръ, правила Конфуція: „будемъ судить другихъ по себѣ, или будемъ относиться къ ихъ скорбямъ и радостямъ, какъ къ своимъ собственнымъ“. Это свойство человѣческой души строить идеалы и отличаетъ человѣка отъ животнаго. Или возьмемъ рабство. Сколько времени господствовало оно на землѣ; казалось, по теоріи инстинктивной нравственности, долженъ бы создаться въ мозгу людей цѣлый органъ, который бы усвоилъ себѣ какъ разъ инстинктивное отношеніе къ этому бытовому явленію древняго міра. Но къ счастью дѣло обстояло иначе. Сперва стойки осудили рабство, а впослѣдствіи хрістіане провозгласили, что „нѣтъ еллина или іудея, нѣтъ раба, ни свободнаго“.

Наконецъ, нѣкоторые утверждаютъ, что нравственный законъ придуманъ изобрѣтательностью и коварствомъ правителей, съ цѣлью наиболѣе легкаго управленія людьми, и будто бы внутреннее чувство долга, передаваясь путемъ традиціи и наслѣдственности, перешло въ плоть и кровь современныхъ людей. (Мандевиль). Но это не можетъ быть; ибо за самимъ понятіемъ нравственнаго закона само собой необходимо признать значеніе обуздывающей силы, особаго авторитетнаго происхожденія, такъ какъ она ограничиваетъ произволь человѣка.

„Но въ чемъ же обязующая сила совѣсти, если совѣсть есть психическое явленіе? спрашиваетъ В. Соловьевъ *).

Почему же, спрашивается, человѣкъ счелъ для себя обязательнымъ считать одни поступки безусловно злыми, а другіе добрыми? Кантъ въ разъясненіе этого вопроса указываетъ, что насъ направляетъ нашъ разумъ, онъ—обязующая сила нравственнаго закона. Но вѣдь разумъ способенъ находить только умное или глупое, цѣлесообразное или нецѣлесообразное; но давать законы онъ не можетъ. „Значитъ, нравственный законъ имѣетъ основу не только въ насъ, но и независимо отъ насъ; другими словами, этотъ законъ предполагаетъ Законодателя. **)

Религіозное сознаніе людей видитъ въ совѣсти выраженіе

*) Оправданіе добра.

**) Соловьевъ, Оправданіе добра.

воли Вожіей. Но мы знаемъ изъ опыта жизни, что совѣсть часто помрачается подѣ влияніемъ предразсудковъ общества, а также равно и отъ личныхъ грѣховъ; что же въ данномъ случаѣ можетъ помочь въ дѣлѣ ея очищенія?

Автономисты предполагаютъ распространить здравыя понятія. Но вѣдь эти „здравыя“ понятія различны у людей. Ни агностикъ, ни матеріалистъ, ни альтруистъ не могутъ дать намъ одинаковыхъ понятій о „здоровомъ“. Такъ, напримѣръ, съ точки зрѣнія агностика, то что мы называемъ нравственнымъ есть не что иное, какъ особый видъ явленій, ничѣмъ не разнящійся отъ явленія физическаго.

Мало того, агностикъ не видитъ никакой цѣли въ достиженіи нравственнаго совершенства. Почему? да потому, что это дѣло вкуса. Нѣтъ, да и не можетъ быть въ агностицизмѣ никакого священнаго идеала. Нѣтъ, значить, ни свободы, ни совершенства, ни постоянства идеала — все мечта, ложный призракъ, туманъ. Что же остается человѣку дѣлать? у него совершенно отнято все святое, дорогое сердцу; все объявлено химерой. Жизнь его безцѣльна, безнадежна. Душа не бессмертна; значить, нѣтъ ничего за гробомъ, нечего бояться уничтоженія: ѣшь, пей, веселись, бери отъ жизни все, что можешь только взять. Такимъ образомъ агностицизмъ приводитъ насъ къ древнему эвдемонизму, критеріемъ коего является личное удовольствіе.

Тоже мы видимъ и въ матеріализмѣ, но еще въ большей степени; потому что онъ способствуетъ развитію эгоизма. Приведемъ характерныя для этики матеріализма слова Шурихта: „Хорошо опьяненіе, хорошо наслажденіе; говорить онъ, — хороша любовь, хороша вѣрность, когда она цѣнится выше вѣроломства или обмана, но хороша и послѣдній, когда онъ цѣнится выше вѣрности. Хороши плутни, воровство, клятвопреступленіе, когда они доставляютъ пользу и наслажденіе и т. д... Наконецъ (что же вы думаете) истинно мудрымъ надобно считать лишь того, кто принимаетъ синильную кислоту и умираетъ мгновенно“.

Мы думаемъ, что комментаріи къ этому ученію излишни. Ни въ безрелигіозномъ альтруизмѣ не видимъ мы элементовъ освѣжающихъ совѣсть. Свою проповѣдь служенія ближнему, притомъ ставя это благо верховнымъ началомъ нравственной жизни, альтруизмъ тѣмъ самымъ сводитъ все интересы человека на заботу о хлѣбѣ, — однимъ словомъ заставляеть служить животнымъ потребностямъ индивидуума и совершенно забываетъ его духовныя запросы. Здѣсь Богъ забытъ, какъ забыть. Онъ

быль при постройкѣ Вавилонской башни. Остается одна христіанская религія, которая возводитъ передъ грѣшникомъ чудный ликъ Спасителя: въ Немъ полнота любви и совершенства.

Вотъ къ этому Источнику добра спѣшить смертный и здѣсь находить опъ себѣ покой: Христосъ очищаетъ его совѣсть и дѣлаетъ нравственно лучшимъ. Какъ за высоко художественнымъ произведеніемъ древности чувствуетъ высокая благородная личность творца, такъ за нравственнымъ закономъ, даннымъ человѣку, ощущается Высшее нравственное Существо. Спаситель, говоря, что любящій Меня слово Мое соблюдетъ, указывалъ между прочимъ на значеніе этой психологической способности ощущенія. Личное, а не безличное. Началомъ проповѣдуется христіанствомъ, живой, а не мертвый Богъ является въ немъ творцомъ вселенной. А любовь только тогда имѣетъ значеніе и достигаетъ цѣли, когда она направлена къ личности. А разъ Богъ, повторяемъ, — Личность совершенная, то естественно человѣку стремиться къ совершенству.

Религія укрѣпляетъ естественное чувство долга, а говорить Ад. Смитъ. Велѣдствіе этого глубоко религіозные люди вообще снискиваютъ наибольшее довѣріе къ своей честности. Мы предполагаемъ постоянно, что они заинтересованы личнымъ побужденіемъ своего долга. Религіозный человѣкъ, подобно свѣтскому человѣку, поступая извѣстнымъ образомъ, руководится и нравственнымъ чувствомъ, и одобреніемъ совѣсти, и людскимъ мнѣніемъ, и заботою о доброй славѣ. Но кромѣ того, его направляетъ еще одно весьма важное соображеніе: при каждомъ шагѣ своемъ онъ призываетъ въ свидѣтели Высшаго Судью (*).

Значитъ, для того, чтобы человѣкъ усвоилъ себѣ въ качествѣ мотива нравственной жизни любовь къ добру, необходимо дѣйствіе высшаго религіознаго мотива дѣятельности человѣка — любви къ Богу.

Кромѣ мотивовъ важна еще цѣль дѣятельности человѣка. Какую же цѣль своей дѣятельности долженъ избрать человѣкъ?

Если мы поставимъ верховною и единственною цѣлью человѣка дешевое личное счастье, то мы увидимъ, что достиженіе его сопряжено съ ничѣмъ неоправдываемыми страданіями, во время которыхъ для человѣка представляется полная возможность нравственнаго паденія; наконецъ возможны, даже иногда необходимы, для полного наслажденія счастьемъ и темныя дѣла. Значитъ,

*) Адамъ Смитъ, Теорія нравственныхъ основъ.

критеріемъ нравственности является удовольствіе, личное счастье. Въмѣстѣ съ проповѣдью личного счастья раздается иногда проповѣдь общаго блага, ведущая свое происхожденіе со временъ англійскаго рационалиста Бекона.

Но оправдывается ли оно сознаніемъ челоуѣка? Разъмы признаемъ поступки раціональнаго характера за нормальныя, мы поневолѣ принуждены будемъ смѣшать какъ корыстныя, такъ и безкорыстныя явленія въ одну кучу: цѣнность ихъ одинакова*).

Напримѣръ, можетъ ли иногда служить на пользу ближнему: развѣ она не оскорбляетъ стремленія къ правдѣ? Пріятное и полезное развѣ не бываетъ часто противно истинному и доброму? Наконецъ, въ виду того, что понятія о счастіи среди людей разныя, естественно, что удовольствія однихъ людей могутъ наносить вредъ другимъ. Хрістіанская же мораль выше этой дешевой нравственности, этого мѣщанскаго благополучія.

Хрістіанская религія есть религія самопожертвованія, самоотреченія. Въ то время, какъ добродѣтель, по ученію утилитаризма, обезпечиваетъ челоуѣку наибольшую степень удовольствія и это послѣднее есть цѣль нравственной дѣятельности, по хрістіанскому ученію добродѣтель и нравственное совершенство достигается не путемъ удовольствія, а путемъ страданія, обусловленнаго отношеніемъ самой добродѣтели къ тому началу грѣховному, которое находится въ челоуѣкѣ. Никакой эвдемонизмъ не согласимъ съ хрістіанствомъ.

Насколько обманчивы бываютъ понятія о счастіи, можно привести изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ примѣръ Смердякова, этого ученика Ивана Ѳедоровича, атеиста, убійцу своего хозяина. Его примѣръ назидателенъ въ томъ отношеніи, — какъ люди здѣсь на землѣ ищутъ счастія и, основывая его на дешевомъ благополучіи, получаютъ его, а затѣмъ глубоко обманываются. Таковъ Смердяковъ; онъ не вѣруетъ въ Бога, значитъ онъ свободенъ отъ нравственныхъ стѣсненій и ему ничего не остается, какъ, убивши своего хозяина, достать себѣ счастье въ его деньгахъ. Замѣчательно правдоподобно изобразилъ Достоевскій нашего героя во время его трехъ разговоровъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, гдѣ онъ старается оправдать свое преступленіе тѣмъ, что „если Бога безконечнаго нѣтъ, то нѣтъ и никакой добродѣтели, да и не надобно ея тогда вовсе“. Душа его требуетъ вѣры и мучится, не имѣя ея.

*) Лопатинъ, Проф. Критика эмпирическихъ началъ нравственности. Вопросы Философіи и Психологіи. Т. 1-й. Москва, 1890 г., кн. 2.

Очень много можно привести фактовъ, на основаніи которыхъ можно констатировать, что стремленіе любить ближнихъ основывается не на безсодержательныхъ теоріяхъ, а имѣетъ, глубокія основы, имѣетъ, такъ сказать, религиозную подкладку; въ противномъ случаѣ получается диссонансъ пустоты души человѣка, что особенно бываетъ выражено въ предсмертные часы, когда человѣкъ въ послѣдній разъ оглядывается на всю прожитую жизнь, оцѣниваетъ ее и нерѣдко приходитъ въ раскаяніе. Такъ, по преданію, извѣстный безбожникъ, величайшій врагъ христіанства, Вольтеръ, въ послѣдніе часы своей жизни какъ бы сознаетъ свои грѣхи и восклицаетъ: „Господи! если Ты есть, то помилуй меня“.

Христіанство тѣмъ и высоко, что своимъ истинамъ придало объективную реальность, старается принципы свои усвоить въ обыденной жизни.

Въ древности, до появленія христіанской религіи господствовалъ стоицизмъ. Его исповѣдывали почти все видныя философы древняго міра.

Вотъ почему нынѣ приходится слышать, что христіанство заимствовало свое ученіе морали изъ стоицизма, — явилось, такъ сказать, продолженіемъ послѣдняго.

Но если мы обратимся къ философіи стоицизма, то замѣтимъ большую разницу сравнительно съ догматикой христіанства.

Прежде всего, Богъ въ ученіи стоиковъ отождествленъ съ міромъ. Міръ, значить, есть живой организмъ, проникнутый духомъ Божіимъ. Для образованія міра Богъ, по ученію стоиковъ, превратился въ четыре основныя стихіи природы — воздухъ, огонь, землю и воду, изъ которыхъ произошли все видимыя вещи. Но эти видимыя вещи отличаются между собою тѣмъ, что эфирный огонь въ нихъ проявляется различно и особеннаго своего обнаруженія достигаетъ въ человѣкѣ. Міръ, однимъ словомъ, абсолютно совершененъ и его совершенство заключается въ цѣлостности. Зло, находящееся въ мірѣ, соединено съ добромъ (примѣръ война). Главнымъ цѣнителемъ поступковъ является разумъ — воплощеніе Высшаго Разума.

Изъ этого мы видимъ, что стоицизмъ носитъ на себѣ слѣды пантеизма. Богъ не можетъ вступать въ общеніе съ человекомъ, ибо онъ безличенъ. Поэтому у стоиковъ нѣтъ высшаго нравственнаго авторитета и образца, какой мы имѣемъ во Христѣ нашемъ Искупителѣ. Добродѣтель, по ученію стоиковъ, есть знаніе; всякое чувственнае удовольствіе для стоика есть зло. „Я

рожденъ для большаго, а не для того, чтобы быть рабомъ своего тѣла“, говоритъ Сенека. Цѣль жизни — въ чистой совѣсти, совершенномъ отреченіи отъ всего земнаго. Если человѣкъ желаетъ достичь какой-нибудь добродѣтели и на пути ея достиженія находитъ непреодолимыя преграды, — самый лучший выходъ изъ этого положенія, по ученію стоиковъ, есть самоубійство. Никакихъ сдерживающихъ началъ нѣтъ для стоика въ такомъ случаѣ.

Аристократизмъ мысли, который мы встрѣчаемъ у стоиковъ, слишкомъ сильно захватилъ ихъ; вотъ почему ихъ великія идеи не были проведены въ жизнь.

Напримѣръ, одна идея — равенство, внесенная въ римское право такъ много хорошаго, — составивъ на человѣка другой взглядъ, признавъ за нимъ нравственно-свободную личность, не могла осуществиться на дѣлѣ; ибо не было руководящихъ принциповъ для ея утвержденія въ жизни. Давъ идею, стоики все-таки продолжали видѣть въ другихъ отвлеченную чуждую личность.

И вотъ лишь только появилось христіанство, стоики сошли съ арены, не оставивъ ничего для усовершенствованія расшатаннаго нравственно греко-римскаго общества, несмотря на свое господство въ теченіе семи вѣковъ.

Нѣсколько словъ о старыхъ писцовыхъ книгахъ.
(Историко-археологическая замѣтка).

Со времени учрежденія въ г. Вологдѣ Постоянной церковно-археологической Комиссіи любителей исторіи и древностей среди духовенства Вологодской епархіи замѣчалось нѣкоторое усиленіе интереса къ памятникамъ старины. Многіе священники работали надъ составленіемъ историко-статистическихъ описаній церквей и приходовъ епархіи, но къ сожалѣнію при своей работѣ встрѣчаютъ не мало затрудненій. Въ старину деревянныя храмы подвергались частымъ пожарамъ. Последніе уничтожали архивы церквей. Не мало погибло старинныхъ документовъ и отъ рукъ невѣжественныхъ людей.

Неудивительно, что въ настоящее время есть такія приходскія церкви, въ архивахъ которыхъ кромѣ метрическихъ книгъ, да кривыхъ и исповѣдныхъ вѣдомостей нѣтъ никакихъ старинныхъ рукописей.

Священники при составленіи описаній церквей и приходовъ часто не имѣютъ почти ничего, что могло-бы послужить матеріа-

ломъ для ихъ работъ. Необходимость заставляетъ искать матеріалы на сторонѣ, въ разныхъ архивахъ, которые большею частію сосредоточены въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Однимъ изъ такихъ богатѣйшихъ матеріаловъ для описаній церквей и приходовъ могутъ послужить такъ называемыя сотныя и писцовыя книги, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи (Двѣвчье поле, казенный домъ)*. Писцовыя книги значимая любителя старины съ состояніемъ древней Руси, въ XV, XVI, XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Всѣ книги написаны почти по одному строго опредѣленному плану.

Вотъ краткое содержаніе ихъ. Въ заголовкѣ каждой книги обыкновенно помѣчаются годъ, мѣсяцъ и число ея написанія и указываются тѣ правительственныя лица, кои составляли описаніе извѣстнаго города, или селенія и производили измѣренія той или другой мѣстности.

Сначала идетъ описаніе какого-либо города. Читатель мысленно переносится лѣтъ за 200—300 назадъ. Предъ нимъ возстаетъ древній русскій городъ! Онъ окруженъ большею частію землянымъ валомъ, или деревянными стѣнами, въ коихъ высятся башни и бойницы; въ городѣ обиліе храмовъ, что свидѣлствуетъ о благочестіи нашихъ предковъ. Послѣ храмовъ перечисляются земскія, губныя и другія разныхъ названій избы, гдѣ засѣдали въ старину воеводы, дьяки и прочія правительственныя лица, кои вѣдали дѣла государственныя и производили надъ виновными судъ и расправу; описываются посады, слободы, улицы, торговыя площади, рады и лавки на земли, принадлежащія городу.

Далѣе описываются села съ ихъ церквами, деревни, пустоши, займища, починки и разныя населенныя и впустѣ лежащія земли, перечисляются поименно всѣ тѣ лица и вѣдомства, которыя владѣютъ землею. Церкви XV, XVI, XVII столѣтій не отличались богатствомъ церковной утвари, или благолѣніемъ сравнительно съ понятіями настоящаго времени. Церкви деревянные, въ нихъ нѣсколько образовъ, церковныя сосуды большею частію деревянные, ризы выбойчатыя, на колокольнищахъ одинъ—пять колоколовъ. Кромѣ священно-церковно-служителей, близъ храмовъ, въ кельяхъ живутъ проскурница (т. е. просфорня) и нѣсколько нищихъ, питающихся отъ церкви Божіей. Не рѣдко близъ храмовъ, въ кельяхъ подвизаются лица монашествующія, какъ то: при Тихвинской Преображенской церкви Тотемскаго уѣзда трудникъ

*) Для справокъ важно изданіе: „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи“. Т. 1—2 р. 50 к., т. 2-й—2 р.

Вассіанъ, нынѣ мѣстно-чтимый святой († 12 сент. 1624 г.), при Мольской Троицкой церкви того же уѣзда — черноризица Александрица. Посему до сихъ поръ мѣста въ оградѣ церкви часто называются народомъ монастырями.

Въ селахъ и деревняхъ перечисляются все крестьянскіе и бобыльскіе дворы, указывается количество людей, живущихъ въ нихъ, т. е. домохозяевъ, прописываются имена и прозвища послѣднихъ, исчисляется количество пахотной, сѣнокосной, усадебной и выгонной земли и лѣсныхъ угодій.

Земля раздѣляется по качеству на добрую, среднюю и худую, при чемъ читатель знакомится со старинными русскими мѣрами земли, каковы: выть, четъ, малая сошка и проч. Выть равняется 16 четвертямъ худой земли. Четъ, или четверть, равна поддесятинѣ земли.

Въ выти полагалось худой земли 16, средней 14, а доброй — 12 четвертей. Малая сошка — равна 16 вытямъ.

Писцовыя книги знакомятъ читателя и со старинными русскими деньгами. Рубль XVI — XVIII столѣтій равняется приблизительно 14-ти нынѣшнимъ. Въ рубль — 33 алтына и 2 деньги, а въ алтынъ — 3 копѣйки, въ копѣйку 2 деньги.

Въ концѣ книгъ помѣчается, сколько владѣльцы должны платить съ земли дани и оброку.

Писцовыя книги съ XVI вѣка составляли предметъ попеченія Московскаго правительства; въ XVII вѣкѣ онѣ приняли большіе размѣры и велись съ возможною тщательностью. Не смотря на разныя трудности и помѣхи, писцовое дѣло составляло великую заслугу Московскаго правительства и дало обильный драгоценный матеріалъ для уясненія экономическаго состоянія государства *). Священникъ *Теодосій Малевинскій*.

*) См. Исторія Россіи. Д. Иловайскаго. Вып. 2-й 4-го тома. Стр. 38—44.

Содержаніе:

1. Открытое письмо безпоповцу, появшему себѣ жену безъ священническаго благословенія. — 2. Бытіе Бога, какъ основа хрістіанской морали. — 3. Нѣсколько словъ о старыхъ писцовыхъ книгахъ.

Редакторъ **Ив. Суворовъ**.

Вологда. Типографія Губернскаго Правленія. 1908 г.